

То, как легко Цзян Цютун сдался, Цзи Яо одновременно и радовало, и слегка досадовало. Знал он заранее, что научный азарт учителя Цзяна столь велик, а ради академических изысканий тот безропотно готов броситься в пасть тигра, стоило ли вообще тратить столько времени и сил?

Надо было просто сказать прямо: «Брат Цзян, я хочу с тобой переспать». И всё, проблема решена.

Проведя с ним некоторое время, Цзи Яо наконец всё понял. Цзян Цютун только строил из себя святошу. С виду — сущий ангел, тихий и невозмутимый, а в голове у этого типа наверняка черти водились.

Впрочем, положив руку на сердце, пускай этот зрелый мужчина и притворялся безгрешным, строил из себя недотрогу и явно страдал какими-то заскоками, для Цзи Яо с его манией коллекционирования любовников он оставался желанной добычей. В его импровизированном классе такого экземпляра ещё не было, так что интерес пока не угас.

Согласно закону сохранения, если везёт на любовном фронте, на другом обязательно жди беды. В данном случае «другим фронтом» оказался Чжан Хэ. Рядом с ним Цзи Яо сразу терял всю свою спесь, ведь друг детства на этот раз разозлился не на шутку.

Детским садом они, конечно, не занимались — глупо кричать: «Ой, всё, я обиделся, не разговаривай со мной и вообще мы больше не дружим!», возраст и годы дружбы не те. Чжан Хэ по-прежнему обедал с ним, ходил на пары, играл в игры и изредка подвозил до дома. Вот только он больше не язвил и не пытался вытянуть из Цзи Яо денег. На любой вопрос или предложение он теперь безучастно отвечал:

— Решай сам.

Вот и сегодня вышло так же. Цзи Яо попросил довезти его до дома, заранее приготовившись к тому, что Чжан Хэ заломит неподъёмную цену. Но тот лишь молча кивнул и легко согласился.

Цзи Яо лишился дара речи. Радоваться бы, что приятель готов везти его бесплатно, но на душе почему-то скребли кошки.

Он застыл на месте. Чжан Хэ, уже кативший велосипед вперёд, удивлённо оглянулся. Парень не произнёс ни слова, но его лицо выражало предельно ясную мысль: «Ты что, обоссаться боишься?» Этот немой вопрос миготнул у Цзи Яо дара речи, заставив проглотить все заготовленные оправдания.

Всю дорогу Цзи Яо даже не смел ухватиться за куртку друга. Когда они натыкались на ухабы, он не голосил, как раньше, требуя ехать осторожнее, и не ныл, что у него сейчас отвалится задница. Обычно их совместные поездки превращались в непрерывную перепалку, но сегодня оба молчали как партизаны. В итоге они не проронили ни слова.

От этого Цзи Яо становилось не по себе. Он панически боялся, что Чжан Хэ со временем отдалится. Боялся, что они из неразлейвода превратятся просто в приятелей, потом — в обычных знакомых, однокурсников... а в конце концов станут чужими людьми.

Перед глазами развернулась безрадостная картина: пройдёт много лет, и они случайно столкнутся на улице. Чжан Хэ будет вести за руку маленькую дочку, а он, Цзи Яо, останется всё таким же неприкаянным гулякой. Их взгляды встретятся, они вежливо, чисто формально кивнут друг другу, и девочка с любопытством спросит:

— Папа, а кто этот дядя?

А Чжан Хэ мягко погладит её по голове и ответит:

— Да так, просто знакомый.

«Цзи Яо, а ну прекрати!» — мысленно прикрикнул он на себя.

От такой внезапно разыгравшейся фантазии его передёрнуло. Собственные мысли показались настолько нелепыми, что хотелось рассмеяться, однако на душе всё равно разлилась глухая, щемящая тоска.

Когда Чжан Хэ довёл его до подъезда и уже собрался уходить, Цзи Яо вдруг схватил его за рукав.

— Чжан Хэ, что это вообще значит? — выпалил он, решив идти ва-банк. Терпеть это молчание больше не было сил.

Чжан Хэ остановился и с каменным лицом слегка склонил голову набок:

— Ты о чём?

«Вот же гад! Прикидывается дурачком!» — разозлился Цзи Яо, чувствуя, как закипает. Однако многолетняя привычка пасовать перед авторитетом друга взяла своё. Едва зародившийся гнев тут же испарился, уступив место привычной робости. Он замялся, подбирая слова, и наконец тихо выдавил:

— Ты надо мной просто издеваешься.

Чжан Хэ вскинул брови:

— Издеваюсь? Я? Над кем это, интересно?

Цзи Яо сгорал от обиды, но под суровым взглядом «великого короля демонов» лишь покорно кивнул:

— Когда ты такой... мне паршиво.

— Ой-ой, какие мы нежные, — Чжан Хэ легко соскочил с велосипеда, закинув длинную ногу. Он неторопливо обошёл друга кругом, оценивая степень его уныния. Убедившись, что Цзи Яо действительно расстроен, Чжан Хэ вдруг расплылся в улыбке. — Так тебе и надо. Тебя, дурака, и воспитываю.

Чжан Хэ редко проявлял эмоции, и только когда он улыбался, становились видны его ямочки на щеках — глубокие и на удивление милые. В детстве Цзи Яо за них дразнил его нещадно. Позже он даже втайне подозревал, что Чжан Хэ перестал улыбаться именно из-за его насмешек — мол, считал эти ямочки слишком девчачьими.

Вот и сейчас улыбка друга была мимолётной. Лицо Чжан Хэ тут же приняло привычное язвительно-пренебрежительное выражение, предназначенное исключительно для Цзи Яо.

— Паршиво ему, видишь ли. Терпи давай.

Они выросли вместе. И если отбросить вечную привычку Цзи Яо молоть языком, на самом деле главным заводилой и обидчиком в их дуэте с малых лет был именно Чжан Хэ. Вот и теперь, оставив друга переваривать услышанное, он почувствовал прилив бодрости. Настроение поднялось. Свистнув под нос весёлый мотивчик, Чжан Хэ нажал на педали и не спеша покатил к дому.

По пути он уже планировал вечер: надо заглянуть в супермаркет, взять полкурицы и приготовить острую курочку, да так, чтобы побольше перца и сычуаньского аромата. Ещё можно прихватить острых утиных шеек к пиву, пожарить горсть арахиса, а потом с чистой совестью погонять в любимую игру. Красота!

И главное — никакого Цзи Яо.

Цзи Яо только и оставалось, что хлопать глазами. Пока он соображал, что ответить, Чжан Хэ и след простыл. Цзи Яо в сердцах топнул ногой и в ярости выругался на всю улицу:

— Да блядь!..

Вечером у Цзи Яо была элективная пара, которую как раз вёл Цзян Цютун. После занятий они совершенно естественно отправились к профессору домой. Там Цзи Яо и выложил всё как на духу.

Цзян Цютун выслушал его с задумчивым видом, а затем спросил:

— И чем же ты его так разозлил?

«Вот за это я и уважаю нашего брата Цзяна, — восхитился про себя Цзи Яо. — Всегда зрит в самый корень».

— Ну... — Не говорить же ему, что я пустился во все тяжкие по мужской части. Цзи Яо решил сделать крайним самого Чжан Хэ. — Он ведь у нас натурал, а я — гей. У нас, можно сказать, экзистенциальный конфликт. Он спит и видит, как бы меня «исцелить» и сделать нормальным.

— Исцелить? — усмехнулся Цзян Цютун, искоса взглянув на него. — Звучит неплохо.

— А ты тоже мечтаешь вернуть меня на путь истинный?

— Признаться, мысль заманчивая, — в шутку или всерьёз ответил тот.

Цзи Яо с ухмылкой забрался к профессору на колени и наклонился, намереваясь поцеловать его в губы:

— Тогда вам, господин преподаватель, придётся очень постараться.

Цзян Цютун слегка уклонился, не давая коснуться своих губ, но тут же перехватил его поперёк талии, прижал к себе и нежно поцеловал в лоб.

«Чёртов контролёр», — мысленно закатил глаза Цзи Яо.

Он уже уяснил правила их игры: в этих отношениях ему отводилась роль ведомого. Нельзя отказывать, а уж тем более сопротивляться. Вот как с поцелуями: Цзи Яо позволялось лишь принимать ласки и отвечать на них, когда ему соблаговолит позволить. Но чтобы проявить инициативу первым? И думать не мог. Цзи Яо находил это проявлением явного психического расстройства, но Цзян Цютун как дипломированный психолог наверняка знал об этом лучше него.

Удивляясь про себя чужим причудам, Цзи Яо лукаво спросил:

— Брат Цзян, колись, ты у нас убежденный садист?

Профессор на секунду завис, соображая, о чём речь, а затем тихо рассмеялся и покачал головой:

— Нет у меня никаких девиаций, — с этими словами он ловко опрокинул Цзи Яо на кровать. — Зато сегодня я вычитал один любопытный приём.

«Да уж, очень "убедительно"!» — мысленно взвыл Цзи Яо.

Понимая, что его сейчас снова разденут догола, он судорожно перехватил руки мужчины:

— погоди, брат Цзян, опять, что ли?

Цзян Цютун опустился перед ним на колени. Его длинные пальцы скользнули к пуговицам рубашки, растёгивая их одну за другой с неспешной грацией хищника.

— Тебе разве не нравится? — мягко улыбнулся он.

Цзи Яо готов был проклясть себя за тот дурацкий разговор, когда Цзян Цютун туманно спросил, хватает ли ему обычных ласк руками, а он сдуру ляпнул: «Вполне». С тех пор как они сошлись, он ни разу не видел профессора без штанов. Каждый божий раз этот тип доводил его до оргазма пальцами, лишая последнего мужского достоинства. Ладно бы раз или два, но постоянно... Ему, чёрт возьми, хотелось нормального, полноценного секса!

Цзян Цютун проигнорировал полный отчаяния и возжеления взгляд любовника. Он легко пресек слабую попытку сопротивления, прижал парня к матрасу и вновь умелыми движениями пальцев довёл его до исступления.

Содрогаясь в навязанном, слишком резком экстазе, Цзи Яо судорожно свёл бедра, но мужчина бесцеремонно развёл его ноги в стороны. Парень вскрипнул, в уголках глаз скопились горячие слёзы.

— Извращенец... — прохрипел он, едва переводя дыхание. — У тебя что, вообще не стоит?!

Цзян Цютун одарил его долгим, нечитаемым взглядом, затем перехватил его ладонь и прижал к своей ширинке. Буквально на секунду — Цзи Яо успел лишь прикинуть внушительные размеры и каменную твёрдость, как его руку бесцеремонно отпихнули назад.

Что и говорить, природа профессора не обделила.

— Так у тебя стоит! — Цзи Яо округлил глаза, чувствуя, как внутри разгорается ещё больший пожар. — Ты... ты просто издеваешься надо мной! Измором взять решил?!

Цзян Цютун, подперев подбородок рукой, с мягкой улыбкой кивнул:

— Именно. Я делаю это нарочно.

Цзи Яо аж зубами заскрипел от досады — подобное воздержание было для него чистой пыткой.

— И не боишься, что я налево пойду?

Взгляд Цзян Цютуна, мгновение назад лучившийся мягким теплом, мгновенно оледенел:

— Собрался налево?

Обычный Цзи Яо, всегда умевший вовремя пойти на попятную, тут же заверил бы, что это лишь глупая шутка. Но сейчас в нём проснулся азарт — дерзкий, капризный и бесшабашный. Он пошёл напролом, наплевав на инстинкт самосохранения:

— А что мне остаётся, если ты меня не трахает? Конечно, пойду.

Профессор промолчал.

Цзи Яо проигнорировал опасный блеск в глазах мужчины и вызывающе вскинул подбородок. Он откровенно нарывался на неприятности, балансируя на грани фолла. Внешне он разыгрывал карту капризного мальчишки, но внутри у него всё сжалось от страха. С таким выражением лица Цзян Цютун вполне мог его придушить прямо здесь, на этой кровати.

Опасения подтвердились. Профессор стальной хваткой сжал его запястье и заговорил пугающе тихим, вкрадчивым голосом:

— Я прекрасно знаю, что ты далеко не ангел. На твоё бурное прошлое мне плевать. Но раз уж ты связался со мной — будь добр, забудь о других. Если я узнаю, что ты побежал искать развлечений на стороне...

Цзян Цютун ласково улыбнулся, и его голос зазвучал мягко, почти нежно:

—...я переломаю тебе ноги.

Цзи Яо сглотнул. Мама дорогая, он ведь это серьёзно?!

По правде говоря, Цзи Яо действительно побаивался этого человека. Пожалуй, после Чжан Хэ тот занимал почётное второе место в его личном списке кошмаров. В глубине души он уже немного жалел, что связался с ним. Цзян Цютун был слишком проницателен и опасен. И почему-то казалось, что если дело дойдёт до измены, профессор выполнит своё обещание без секундных колебаний.

Но именно эта ходьба по краю пропасти манила Цзи Яо сильнее всего. Он прекрасно понимал, что играет с огнём и пора бы дать задний ход. Цзян Цютун держал его на коротком поводке, но и сам Цзи Яо не спешил сдаваться. Эта любовная дуэль, игра в кошки-мышки будоражила кровь. И хотя временами он проклинал себя за глупость — зачем только связался с этим психопатом? — его тянуло к нему всё сильнее.

Жить в постоянном напряжении, впрочем, утомляло. По случаю Нового года выдалось целых пять дней выходных, и Цзи Яо, не теряя времени, собрал вещи и рванул в город Н — навещать законного супруга. Сейчас, изнывая от неудовлетворённого желания, он уповал только на Юй Сьюаня.

А что касается угрозы переломать ноги... Ну, у него их всё равно две, как-нибудь переживёт.

Юй Сьюань — законный супруг, Императрица. Красив, умён, величествен и статен, но ревнив до безумия. Стоит Императору провести ночь в чужих покоях, как после этого он обязан два дня кряду вымаливать прощение в покоях Императрицы, покидая их выжатым до капли. Просто спать под одним одеялом? И не мечтайте.

Добродетельный наложник Цзян — кузен Императрицы. Из-за помолвки, заключённой ещё до вступления во дворец, ему пришлось довольствоваться лишь вторым титулом. При дворе о нём отзываются как о человеке выдающихся талантов и редкого хладнокровия, однако в кулуарах гарема за ним прочно закрепилась слава расчётливого интригана.

Императорский чтец Вэнь Линь — бывший однокашник государя, знавший его ещё безвестным юнцом. Ныне он — блестящий выпускник, Танхуа, и Императорский чтец в Академии Ханьлинь. Он безответно и преданно влюблён в повелителя. Имея все шансы сделать головокружительную карьеру чиновника, он презрел насмешки и спит и видит, как бы попасть в гарем. Разумеется, для Императрицы и наложника Цзяна он как кость в горле.

Герцог Чжан Хэ — друг детства государя, с которым они вместе росли. В его руках сосредоточена вся военная мощь страны, из-за чего советники ежедневно трясутся в страхе перед возможным переворотом — особенно когда видят, как бесцеремонно он отчитывает Императора. На деле же, стоит государю раззадорить Герцога, достаточно прислать ему вкусной еды, чтобы сменить гнев на милость. После этого Чжан Хэ без лишних слов пойдёт разгребать чужие проблемы. Он терпелив и отходчив, хотя порой тоже не прочь объявить забастовку, а если довести до ручки — может и рукава закатать, чтобы лично проучить августейшего друга.